

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* ПАРАСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ОСТРОТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИ-
НОЧЕСТВА В ОБЩЕСТВЕ ТРАВМЫ

Аннотация. Одиночество является одним из атрибутов общества травмы, в состоянии которого находится современный российский социум. Цель статьи – проанализировать роль парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы. Статья опирается на междисциплинарный подход, сочетающий социологические и психологические теории: теорию культурной травмы П. Штомпки, теорию общества травмы Ж.Т. Тошенко, теорию парасоциальных отношений Д. Хортона и Р.Р. Уола, концепции одиночества, развиваемые другими авторами. Показано, что парасоциальные отношения служат важной формой компенсации переживаний одиночества, но не избавляют человека от этого состояния.

Ключевые слова: парасоциальные отношения; общество травмы; социальная эксклюзия; одиночество.

Для цитирования: Немировский В.Г. Парасоциальные отношения как фактор снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 59–85. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.04

Статья поступила: 06.06.2023.

Принята к публикации: 11.07.2023.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** Parasocial relationships as a factor reducing the severity of experiencing loneliness in a society of trauma

Abstract. Loneliness is one of the attributes of the society of trauma, which is an essential characteristic of modern Russian society. This article is aimed at analyzing parasocial relationships as a factor of mitigating the severity of the experience of loneliness in a society of trauma. The article is based on an interdisciplinary approach that combines sociological and psychological theories: the conceptions of cultural trauma by P. Sztompka, trauma society by Zh.T. Toshchenko, parasocial relations by D. Horton and R.R. Wohl, the concepts of loneliness developed by other authors. It is shown that parasocial relations act as an important form of compensation for the experiences of loneliness, but do not relieve a person from this state.

Keywords: parasocial relations; trauma society; social exclusion; loneliness.

For citation: Nemirovsky V.G. Parasocial relationships as a factor reducing the severity of experiencing loneliness in a society of trauma. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 59–85. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.04

Received: 06.06.2023.

Accepted: 11.07.2023.

Введение

Одиночество как социальный феномен к настоящему времени глубоко изучено с позиций как социологии, так и психологических наук; сформулированы его дефиниции, проанализированы факторы, разработаны различные классификации и т.п. Большинство авторов, изучающих эту тему, сходятся во мнении, что одиночество порождается различными социально-экономическими, политическими, социально-психологическими, социокультурными

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

факторами. Среди последних можно назвать социальные катастрофы, экономические кризисы, смену общественных ценностей, процессы урбанизации, атомизацию общества, трудности социализации и многое другое. Эти факторы действуют на различных уровнях: от макросоциального до межличностного.

Особое, далеко не всегда учитываемое исследователями, своеобразие ситуации одиночества придают малоизученные в отечественной социологии парасоциальные отношения, охватывающие различные сферы общественной жизни. Парасоциальные отношения в современном российском обществе – тема, которая рассматривается в основном в психологии межличностных отношений и сфере использования средств массовой информации.

Несмотря на целый ряд исследований (главным образом, зарубежных), в настоящее время остается до конца не ясным, способствуют ли парасоциальные отношения смягчению остроты переживания одиночества. Можно предположить, что взаимодействие одиночества и парасоциальных отношений в обществе травмы, к числу которых принадлежит и современная Россия, имеет свою, пока не раскрытую специфику. К числу важных характеристик такого общества относится перманентная социальная эксклюзия; одним из ее серьезных последствий выступает распространение среди различных групп населения страны состояния одиночества.

Тем самым актуальность исследования связана с важностью поиска социальных и социально-психологических механизмов преодоления (смягчения остроты) одиночества в современном российском обществе.

Материалы и методы

Цель статьи – проанализировать роль парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы.

Проблема на социальном уровне выступает как противоречие между развитием в российском обществе ситуаций, приводящих к распространению одиночества, с одной стороны, и недостаточным и неэффективным использованием различных социальных и социально-психологических практик для его преодоления – с другой.

В гносеологическом плане проблему исследования можно рассматривать в качестве противоречия между знанием о широкой распространенности одиночества в обществе и отсутствием четкой научной информации о роли в процессе снижения остроты его переживания парасоциальных отношений.

Объект исследования – современный российский социум как общество травмы.

Предмет – парасоциальные отношения в российском обществе как фактор снижения остроты переживания одиночества.

Гипотеза: существует тенденция, в соответствии с которой парасоциальные отношения могут выступать своего рода «паллиативным средством», способствующим снижению остроты переживания одиночества у представителей некоторых социальных групп населения в обществе травмы.

Данная работа опирается на теорию культурной травмы П. Штомпки, теорию «общества травмы» Ж.Т. Тощенко, теорию парасоциальных отношений, созданную Д. Хортоном и Р.Р. Уолом и развиваемую их зарубежными последователями, а также на подходы к изучению одиночества, сформулированные в работах таких отечественных авторов, как Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко, П.М. Козырева, А.И. Смирнов. Тем самым в статье реализуется междисциплинарный подход, сочетающий социологические и психологические теории и методы.

Обзор литературы

1. Одиночество в обществе травмы. Один из социологов-классиков – П. Штомпка – для описания специфических социальных изменений выдвинул теорию культурной травмы. По его описанию: «Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных социальных травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее <...> Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию <...> Мы обратимся, одна-

ко, к третьему проявлению последствий травмы. Это область воздействия травмы на культуру» [Штомпка, 2001, с. 10].

Основываясь на концепциях П. Штомпки, а также других известных зарубежных социологов: Дж. Александера, З. Баумана, Р. Айермана, на значительном числе публикаций отечественных ученых, которые, хотя и не использовали данный научный концепт, но подробно писали о травмирующих аспектах в различных сферах жизни современного российского социума, Ж.Т. Тощенко сформулировал новый подход для анализа общества, которое в течение длительного периода находится в состоянии нестабильности, а традиционные антикризисные меры в большинстве случаев оказываются неэффективными. Поэтому автор полагает, что изучение общества травмы требует иного понятийного аппарата и использования других методов анализа [Тощенко, 2020, с. 27].

Данная теория вызвала активный отклик российских ученых, о чем свидетельствуют не только многочисленные рецензии на данную монографию, но и ряд дискуссий в ведущих отечественных социологических изданиях, например: [Волков, 2020, с. 16–27].

В своем выступлении на круглом столе журнала «Социологические исследования» Ж.Т. Тощенко дал следующее определение феномену «травмы общества». Это «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы» [Макаров, 2019, с. 12–13].

Более сорока лет в российском обществе происходят активные процессы социокультурной турбулентности, во многом вызванные социальными травмами и катастрофами (распад СССР, «Афганская кампания», участие в столкновениях в бывших рес-

публиках СССР, войны в горячих точках на границах страны, две чеченские кампании, «операции по принуждению к миру» Грузии в августе 2008 г., боевые действия на Донбассе, пандемия COVID-19, СВО на Украине и др.). Одним из их серьезных последствий выступает эксклюзия значительных групп населения, происходит разрыв существующих социальных связей, на микросоциальном уровне возникают проблемы в формировании новых значимых отношений. Все это способствует развитию и распространению у населения состояния одиночества, связанного с острыми негативными переживаниями. Перманентное состояние социальной эксклюзии выступает одной из важных характеристик общества травмы. Это состояние присуще и другим формам социальных изменений. Однако, на наш взгляд, перманентное травматическое состояние, в данном случае отечественного, социума приводит к состоянию застойной, непреходящей социальной эксклюзии, формы которой могут меняться на протяжении времени, но последствия не смягчаются.

Социальная эксклюзия изучается с позиций как социологии, так и психологических дисциплин. Формат данной статьи не позволяет подробно проанализировать многообразие подходов к ее анализу, существующих в современной науке, и обосновать авторское видение данного феномена. Тем не менее нельзя не отметить своеобразие эксклюзии в современной России, охарактеризованное (как, впрочем, и теоретические аспекты его социологического анализа) в публикациях Н.Е. Тихоновой и других отечественных авторов [Тихонова, 2003; Poverty and social exclusion ... , 2017; Эксклюзия как критерий ... , 2016 и пр.].

Поэтому в качестве рабочего определения социальной эксклюзии мы будем опираться на следующую дефиницию: «С позиции социологического подхода социальная эксклюзия рассматривается как ситуация социальной беды, под которой понимается процесс исключения индивида из социальной системы, ограничение доступа к механизмам интеграции в общество или отторжения от отдельных средств жизнеобеспечения» [К проблеме взаимосвязи ... , 2020, с. 64].

С точки зрения социальной психологии, эксклюзия – состояние личности, вызванное субъективным осознанием и переживанием дефицита принадлежности к социальным группам и невклю-

ченности в межличностные отношения. Более того, социальная эксклюзия часто возникает не только в виде отвержения со стороны социальной группы, но и на межличностном уровне, когда разрываются связи со значимыми для человека людьми. Это состояние можно назвать межличностной эксклюзией [К проблеме взаимосвязи ... , 2020, с. 65–66].

Последствием эксклюзии является вынужденная изоляция или добровольная обособленность индивида. В широком смысле можно сказать, что, если человек оказывается изолирован от коллективов и ресурсов коммуникаций, он чувствует себя одиноким.

Соответственно, важным проявлением различных форм эксклюзии выступает социальное одиночество, которое может быть рассмотрено, с одной стороны, как состояние, с другой – как процесс переживания этого состояния. Феномен социального одиночества активно изучается с позиций различных научных парадигм и направлений. При этом не вызывает сомнений, что данная проблема выступает как междисциплинарная.

В российской науке подходы к изучению социального одиночества в значительной мере заимствованы у зарубежных исследователей. В рамках существующих в западной науке подходов, а именно психодинамического, интеракционистского, когнитивного, социологического и феноменологического, оно оценивается как отрицательное явление. Большинство авторов, анализирующих состояние одиночества с позиций психологии, оценивают его как негативное психоэмоциональное переживание [Михайлова, 2018, с. 422–423].

В своей фундаментальной монографии Н.Е. Покровский и Г.В. Иванченко, опираясь на социокультурный подход, предлагают следующую формулировку: «Одиночество представляет собой широкую социокультурную категорию, которая в самом общем виде отражает присущий личности страх перед социально-психологической изоляцией и разрывом общественных связей, составляющих суть жизненного мира» [Покровский, Иванченко, 2008, с. 11].

П.М. Козырева и А.И. Смирнов, исследующие возрастные параметры одиночества, рассматривают его как «субъективное переживание состояния, обусловленное особенностями социальной ситуации и индивидуально-возрастными особенностями чело-

века» [Козырева, Смирнов, 2020, с. 56]. Социологическому анализу одиночества посвящен цикл работ Ж.В. Пузановой [Пузанова, 2008; Пузанова, 2009]. Ряд публикаций знакомят читателей с результатами исследования одиночества различных социальных групп. Например, можно отметить работу В.О. Примакова и Е.Г. Саутиной, которые изучали одиночество социальной группы студенческой молодежи [Примаков, Саутина, 2018].

В социологической науке также рассматривается феномен, получивший наименование «новое одиночество», «актуализировавшееся в период пандемии и ставшее одним из факторов, влияющих на социальное самочувствие российского общества в условиях введения целого ряда ограничительных мер. Новое одиночество связано с ощущением утраты социальных связей и отношений, а также с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности в условиях пандемии» [Гафиатулина, Воробьев, Шевченко, 2022, с. 223].

Вслед за авторами публикаций, которые отражены в нашей статье, мы будем опираться на широкое, комплексное понимание одиночества как формы отчуждения человека от общества, включающей и данное состояние, и переживание одиночества в единстве различных его видов и элементов.

2. Парасоциальные отношения в современном обществе.

Анализу парасоциальных отношений посвящен широкий круг исследований; значительно чаще к ним обращаются представители психологических дисциплин, существенно реже – социологии. Однако в данном случае это не имеет существенного значения, поскольку мы опираемся на междисциплинарный подход, который получает все более широкое распространение в современной социологической науке. Как известно, понятие «парасоциальное отношение» было введено в научный оборот Д. Хортоном и Р.Р. Уолом¹ в работе «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие: наблюдения за близостью на расстоянии» с целью описания односторонней привязанности зрителей телевизионных программ к медийным персонам [Horton, Wohl, 1956]. Важно подчеркнуть своеобразную «квазисоциальность» парасоциальных отношений, которые формируются, когда нет взаимного обмена информацией,

¹ Фамилия Уол имеет разное написание в научной литературе (Вол, Воль).

иными словами – диалога. Необходимо сразу отметить специфику понятий «парасоциальные отношения» и «парасоциальные взаимодействия». Иногда они используются как синонимы, но в последние годы все большее число авторов проводят различие между этими понятиями [Schramm, Hartmann, 2008 ; Dibble, Hartmann, Rosaen, 2016]. Более того, в научный оборот введен термин «парасоциальный разрыв» (PSB), означающий резкое прекращение парасоциальных отношений; см., например: [Hu, 2016].

В этой связи следует согласиться с А.С. Новиковым, который пишет, что «в настоящее время существует тенденция к разделению парасоциальных взаимодействий (PSI) и парасоциальных отношений (PSR), где PSI – род личных или кажущихся таковыми взаимоотношений, а PSR – более сложный феномен, часто включающий в себя когнитивные, аффективные и конативные компоненты» [Новиков, 2019, с. 67]. Иными словами, при длительном воздействии парасоциальное взаимодействие может перерасти в парасоциальные отношения.

Детальное представление о существующих тенденциях в исследованиях парасоциальных отношений в современной науке дает подробная обзорная статья, в которой анализируются более чем 250 исследований в области парасоциальных взаимодействий и отношений с медийными персонажами, осуществленных за последние 60 лет, а также их методологические вопросы [Liebers, Schramm, 2019].

Важной характеристикой парасоциального отношения, согласно оценке А.С. Новикова, выступает именно его односторонняя природа. Возникающее у зрителя сопереживание герою телефильма, интерес к его приключениям порождает эмоциональную включенность, однако никакого социального обмена между зрителем и героем не происходит. Другой существенной характеристикой парасоциальных отношений является их эмоциональная насыщенность; несмотря на фактическое отсутствие социального обмена, любое телевизионное шоу прежде всего вовлекает зрителя эмоционально [Новиков, 2018, с. 18].

Парасоциальными отношениями пронизана и политическая сфера жизни общества. Например, американские исследователи Дж. Коэн и Р.Л. Холберт, опираясь на результаты проведенного в 2017 г. опроса более 2000 взрослых респондентов, пришли к выво-

ду о возможности на основе анализа парасоциальных отношений прогнозировать поддержку политических кандидатов и выборных должностных лиц. В частности, их исследования показали, что парасоциальные отношения в то время оказывались мощным предиктором поддержки Д. Трампа, опережающим все другие факторы (включая поведение в прошлом голосовании 2016 г.) [Cohen, Holbert, 2018].

Целый ряд зарубежных авторов рассматривают связь населения с политическими фигурами как одну из форм парасоциальных отношений. Например, как свидетельствуют исследования М.А. Хакима, парасоциальные отношения с политиками (PSRs) представляют собой устойчивую, долгосрочную, обычно позитивную одностороннюю форму отношений, обладающую своего рода «интимностью», которая способна сформироваться по отношению и к другим общественным фигурам: звездам шоу-бизнеса или спортсменам [Hakim, 2018].

Весьма похожие результаты показали исследования, которые были проведены с помощью качественных методов (фокус-групп и глубинных интервью) в регионах Сибирского Федерального округа на протяжении более десяти лет (2007–2018). По единой методике (выборочная совокупность – 758 чел., количество фокус-групп – 84) была обоснована гипотеза, в соответствии с которой «отношение к власти в действительности является не социальным отношением, а парасоциальным» [Новиков, 2018, с. 18; Новиков, 2019, с. 67].

Такой важный социальный феномен, как доверие, также не свободен от взаимосвязи с парасоциальными отношениями. В частности, нами было обосновано, что институциональное доверие в современной России сочетает парасоциальную и социальную формы. Если в первом случае влияние СМИ и Интернета является ведущим в формировании институционального доверия как парасоциального конструкта, то во втором его нельзя исключать также, однако первичны социальные отношения. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую [Немировский, Новиков, 2021].

Социокультурная турбулентность, усилившаяся в России в последние годы, привела к размыванию социальных норм и образцов поведения, распространению аномии в обществе. Поэтому, на

наш взгляд, следует согласиться с мнением И.Ю. Тихоновой и А.С. Кравец, в соответствии с которым «самое важное, что толкает индивидов к парасоциальным отношениям, – это отсутствие в современном социальном пространстве устойчивых ориентаций. Именно их и находят индивиды в такого рода отношениях. По сути, коммуникативное пространство становится новым жизненным пространством человека, выполняющим важнейшую социетальную функцию. Поддержание образца осуществляется через формирование определенных моделей поведения и мышления, которые воспринимаются людьми как объективные» [Тихонова, Кравец, 2022, с. 44].

Развитию парасоциальных отношений, основанных на бесконтактных, опосредованных взаимодействиях, способствует и прогрессирующее расширение использования информационно-коммуникационных технологий, «цифровизация» социальной жизни. Процессы цифровизации могут вызвать серьезные психосоциальные потрясения, связанные с изменениями в образе жизни людей. Трансформации, скорость которых увеличивается, носят глобальный характер. Причем изменения затрагивают не только отдельные сферы жизни, но и личное и социальное существование. Реакции на эти изменения, процессы обучения и адаптации вызывают новые, часто непредсказуемые последствия.

В этом смысле они приводят к формированию так называемой «новой нормальности», среди основных проявлений которой, по емкой характеристике М.Ю. Ефлова и О.А. Максимовой, можно назвать следующие: формирование комплексной цифровой среды, охватывающей самые разнообразные стороны общественной жизни; активизацию процессов оцифровки и цифровизации большинства сфер жизнедеятельности общества; погружение в цифровую среду, приводящее к развитию новой системы социальных отношений и связей, а также усилению социального неравенства и эксклюзии, в основе которых лежит неравенство цифровое; утрату существующими в обществе институтами возможности адекватного и оперативного реагирования на новые социальные и экономические вызовы; делегирование федеральным центром функций контроля за ситуацией региональным структурам; индивидуализацию стратегий и тактик выживания в условиях кризиса [Ефлова, Максимова, 2022, с. 37].

Распространению «новой нормальности» благоприятствуют также серьезные социокультурные травмы последних лет, глубоко изменившие различные сферы жизни нашего общества, в частности, пандемия COVID-19 и последующая СВО, повлекшая трансформацию геополитического положения нашей страны.

Результаты исследования

Взаимосвязь одиночества и парасоциальных отношений изучается уже довольно давно, как правило с позиций психологии. Так, более 20 лет назад выдвигалась гипотеза, в соответствии с которой «...застенчивость и одиночество будут связаны с силой “парасоциальных” отношений с “высоко заметными” знаменитостями» [Ashe, McCutcheon, 2001, p. 124].

В процессе ее проверки были получены неоднозначные результаты: «из 16 полученных коэффициентов корреляции 15 были в предсказанном направлении, но ни один из них не превышал 0,24. Либо застенчивые и одинокие люди не предрасположены к сильным парасоциальным связям со знаменитостями, либо предполагаемые отношения настолько слабы, что объясняют очень небольшую дисперсию» [Ashe, McCutcheon, 2001, p. 124].

Наряду с этим в исследовании, опирающемся на теории личности Г.Ю. Айзенка, было показано, что «поклонение знаменитостям» может отражать черты невротизма и психотизма [Maltby, Houran, McCutcheon, 2003], которые, как известно, часто бывают связаны с переживанием одиночества.

Согласно одной из более поздних публикаций, одиночество подписчиков знаменитостей в социальных сетях «положительно связано с потреблением социальных сетей знаменитости, социально-межличностным мотивом посещения их социальных сетей и удовольствием от изучения историй личной жизни знаменитости» [Kim, Kim, Yang, 2019, p. 27]. Как видим, одиночество выступает одним из побудительных мотивов вступления людей в парасоциальные отношения со знаменитостями.

К несколько иным выводам пришли Т.С. Самсонов и Д.П. Ткаченко, которые считают, что полученные ими данные «скорее, согласуются с точкой зрения о том, что парасоциальные отношения в большей степени являются попыткой человека рас-

ширить круг своего общения, а не стремлением заменить реальную коммуникацию» [Самсонов, Ткаченко, 2022, с. 256].

В действительности ситуация оказывается значительно сложнее, нежели ее представляют процитированные выше авторы – во всяком случае, на том основании, что одиночество неоднородно; существуют, по крайней мере, четыре его вида: эмоциональное (семейное и романтическое), социальное, хроническое, ситуативное и преходящее одиночество. В работе американских ученых К. Ванг, Е. Финка и Д. Кай была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой разные типы одиночества предсказывают различное использование парасоциального взаимодействия, при этом пол выступает в качестве модератора этих эффектов. Исследование проводилось среди студентов колледжа (N=154) [Wang, Fink, Cai, 2008].

По нашему мнению, существенно, что авторами было выявлено неодинаковое взаимодействие различных видов одиночества в парасоциальных отношениях, а также обнаружены различные, часто противоположные тенденции у мужчин и женщин. Так, в целом социальное одиночество отрицательно связано с использованием парасоциального взаимодействия. Напротив, участию в нем способствовали эмоциональное и хроническое одиночество. Чем выше семейное одиночество у женщин, тем сильнее их участие в парасоциальном взаимодействии, у мужчин эффект был отрицательным. Напротив, у последних большее хроническое одиночество приводило к усилению парасоциального взаимодействия, тогда как для женщин результат оказался противоположным. Рост семейного одиночества у женщин предсказывал большее парасоциальное взаимодействие, у мужчин была обратная ситуация. «Наконец, для мужчин большее романтическое одиночество было связано с меньшим парасоциальным взаимодействием, тогда как для женщин эта связь была слегка положительной» [Wang, Fink, Cai, 2008, p. 87]. Как видим, важно учитывать, что взаимосвязь различных видов одиночества и парасоциальных отношений противоречива и существенно детерминируется гендерными факторами.

В контексте цели нашей работы особый интерес представляет анализ взаимосвязи одиночества с антагонистическими парасоциальными отношениями, которому посвятил свою статью С. Кунинтен. В отличие от подавляющего большинства других работ, где

исследуется влияние одиночества на парасоциальные отношения респондентов с любимыми персонажами, в ней прослеживается взаимосвязь одиночества у пожилых людей с *нелюбимыми* телевизионными персонажами. В процессе исследования «взрослые в возрасте 55 лет и старше сообщали о своих наиболее нелюбимых телевизионных персонажах и романтических отношениях в ходе самостоятельного опроса, а для проверки данных (*как и в большинстве других рассматриваемых нами исследований. – В.Н.*) использовалась иерархическая множественная регрессия». Результаты показали, что по мере роста депрессивных симптомов и одиночества у пожилых людей с низким уровнем избегания привязанности и неудовлетворенностью романтическими отношениями их антагонистические парасоциальные отношения усиливались [Quinten, 2019, p. 548].

Формирование романтических чувств к вымышленному персонажу может играть существенную роль в преодолении одиночества. Сегодня эти виртуальные романтические отношения доступны в романтических видеоиграх (RVG). Исследования, проведенные среди участников-японцев, в частности показали, что у одиноких людей больше желания играть в RVG. Как пишут авторы, «одиночество – единственный психологический фактор, коррелирующий с желанием играть». У участников игры формируются социальные навыки и положительные эмоции, причем у одиноких людей может быть больше желания иметь романтические отношения с виртуальным персонажем [What factors attract people ... , 2020].

В некоторых исследованиях изучалась взаимосвязь переживаний людьми одиночества с их участием в парасоциальных отношениях. Так, в процессе психологических экспериментов было установлено, что «люди, предпочитающие виртуальные отношения с вымышленными персонажами, имеют средний и высокий уровни переживания одиночества, а также позитивное отношение к одиночеству» [Черемискина, Холупова, 2022, с. 221]. Учеными делается вывод, согласно которому «виртуальные отношения с вымышленными персонажами не могут компенсировать негативные переживания молодых людей» [там же]. Данное исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что переживание одиночества у людей, склонных к виртуальным отношениям с вымышлен-

ными персонажами, имеет связь с выраженными у них защитными механизмами (регрессией, проекцией и реактивным образованием).

К похожему выводу пришли и другие авторы в ходе онлайн-эксперимента, данные которого свидетельствуют, что «умственная активация парасоциальных отношений значительно улучшала настроение участников в той же степени, что и размышления о реальной дружбе. Однако, что касается непосредственного чувства одиночества, размышления участников о парасоциальных отношениях оказались неэффективными» [Stein, Liebers, Faiss, 2022].

Немало современных исследований посвящено одиночеству, связанному с наличием разного рода препятствий для развития связей в реальной жизни, в частности, с принадлежностью к ЛГБТ-сообществу (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации).

Целью одного из подобных исследований было изучение парасоциальных отношений среди относительно уязвимого населения путем опроса подростков-лесбиянок, геев и бисексуалов (ЛГБ; международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации) (N=106). Для сопоставления был проведен опрос их гетеросексуальных ровесников (N=321). «Результаты показывают, что у подростков ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.) больше любимых медийных персон другого пола, чем у гетеросексуальных подростков мужского пола. [Они] ... чаще выбирали медиаперсонажей ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.) в качестве своих фаворитов, особенно если у них не было реальных друзей из ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.)» [Bond, 2018, p. 457].

Согласно сформулированному в статье выводу, одиночество способствовало силе парасоциальных отношений только для подростков ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), которые чаще сообщали о своих любимых медийных персонажах как о важных источниках информации по целому ряду вопросов, связанных с социализацией. Авторы приходят к заключению, что

«парасоциальные отношения могут быть компенсацией для подростков ЛГБ (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*), пытающихся заполнить пустоту в отношениях, образовавшуюся из-за отсутствия реальных сверстников ЛГБ (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*)» [Bond, 2018, p. 457].

Объектом другого интересного исследования была молодежь ЛГБТК (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры и квир; международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), которая, по мнению его авторов, непропорционально пострадала от пандемии COVID-19. Было изучено, как «парасоциальные отношения с ЛГБТК-ютуберами (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*) могут смягчить связи между поддержкой семьи, одиночеством и симптомами депрессии среди молодых ЛГБТК взрослых (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*), живущих со своими родителями во время пандемии COVID-19» [Parasocial relationships ... , 2021]. В статье сделан вывод, согласно которому «сила парасоциальных отношений смягчает связи между поддержкой семьи и одиночеством, а также одиночеством и симптомами депрессии» [ibid., p. 228].

Анализ того, насколько существенно одиночество влияет на парасоциальные отношения в фан-клубе Wannable¹ в Бандунге (Индонезия), показал весьма высокое значение R-квадрата – 0,514 (так называемого коэффициента детерминации, определяющего степень корреляции между независимыми и зависимыми переменными), из чего следует, что влияние независимой переменной «одиночество» на зависимую «парасоциальные отношения» в фан-клубе составило 51,4% [Nabilla, Prakoso, 2019, p. 98].

К числу важных форм парасоциальных отношений в современном обществе относится общение в социальных сетях. Можно предположить, что вовлеченность молодежи в парасоциальные отношения выступает одним из следствий нарушения у ее пред-

¹ Фан-клуб южнокорейского бойбенда Wanna One.

ставителей способности к общению. Исследование Н.П. Дедова и Н.П. Комиссарова показало, что одиночество современных подростков взаимосвязано со снижением у них коммуникативных способностей [Дедов, Комиссарова, 2020, с. 177–181]. В статье В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко, А.А. Соколовой представлено исследование особенностей активности респондентов в популярных социальных сетях (Instagram, Facebook¹ и ВКонтакте) и их связи со спецификой переживания одиночества. «Выявлены различия в характере пользовательской активности между тремя возрастными группами, обусловленные тем, что пользователи старшей возрастной группы эмоционально сдержаннее и в меньшей степени склонны к личностному раскрытию в социальных сетях, в то время как для юных пользователей более характерен шуточный и поверхностный формат взаимодействия». Характерно, что молодежи, участвующей в парасоциальных отношениях, присуще более слабое стремление к самопознанию в сравнении с другими возрастными группами [Орестова, Ткаченко, Соколова, 2020, с. 31].

Интерес представляет сделанный авторами вывод, свидетельствующий о роли эмоциональных факторов участия одиноких людей в парасоциальных отношениях: «пользователи с выраженным негативным переживанием одиночества в большей мере ориентированы на частоту и позитивный эмоциональный фон публикаций, нежели на раскрытие глубинных переживаний и обсуждение лично значимых тем. Люди с нехваткой эмоциональной близости или контактов с людьми и в социальной сети также демонстрируют невысокую активность взаимодействия» [Орестова, Ткаченко, Соколова, 2020, с. 31–32].

Мы также полагаем, что следует согласиться с мнением И.И. Черемискиной и К.А. Холуповой, которое опирается на результаты эмпирических исследований, проведенных авторами: «парасоциальные отношения с виртуальными персонажами являются неким инструментом адаптации, посредством которого человек может снять стресс, понизить влияние напряжения, а также удовлетворить свои социальные потребности, если не представля-

¹ Социальные сети Instagram и Facebook принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

ется такого шанса в реальном мире» [Черемискина, Холупова, 2022, с. 224–231].

Обсуждение. Заключение

Парасоциальные отношения широко изучались в аспекте взаимодействия зрителей с медийными персонажами, актерами; избирателей – с политиками; рассматривалась включенность в них участников различных групп в социальных сетях, пользователей Интернета; был осуществлен анализ парасоциальных отношений в контексте социального доверия. Можно высказать гипотезу, что распространенность парасоциальных отношений в современном обществе носит еще более широкий характер, однако ее верификация требует проведения специальных исследований.

Следует учитывать, что данные, полученные в области зарубежных исследований взаимосвязи одиночества и участия людей в парасоциальных отношениях, не всегда однозначны. Безусловно, на результатах и их интерпретации сказывается использование различных теоретических подходов и эмпирических методик, многообразные формы парасоциальных отношений (с медийными персонажами, общение со сверстниками через социальные сети, участие в электронных играх, просмотр видеороликов и многое другое), специфика социальных групп, избранных в качестве объекта исследования (подростки, взрослые, люди пожилого возраста, лица разных национальностей и пр.). Как принято в психологии, используются ограниченные и часто весьма специфические по своему характеру выборки. Нередко не учитываются такие важные факторы, как гендерная принадлежность респондентов, возраст, уровень образования и т.п. Неодинаково влияет на те или иные виды одиночества участие людей в разных формах парасоциальных отношений. Большинство исследований по данной проблематике проведены иностранными учеными, так что пока трудно говорить об эмпирически обоснованной российской социокультурной специфике влияния парасоциальных отношений на снижение остроты переживаний одиночества. Остается открытым вопрос о возможности полностью распространять выявленные за рубежом тенденции на отечественную ситуацию.

Все это требует осуществления специализированных исследований по сопоставимым методикам более широкого, желательно – кросскультурного характера.

Тем не менее в результате осуществленного в статье анализа вырисовывается следующая логическая цепочка:

– общество травмы неизбежно продуцирует социальную эксклюзию;

– эксклюзия порождает состояния одиночества;

– представители различных, в том числе довольно специфических социальных групп, переживающие одиночество, с той или иной долей успеха пытаются преодолеть его посредством участия в парасоциальных отношениях;

– конкретные формы парасоциальных отношений (взаимосвязь с медийными персонажами, электронные игры, общение в интернет-сообществе и др.) в неодинаковой мере могут смягчить переживания некоторых видов одиночества у представителей определенных социальных групп.

На основании результатов исследований, приведенных в нашей статье, можно сделать вывод, что некоторые распространенные формы одиночества, как и отдельные психопатологические состояния в целом влияют на вступление индивидов в парасоциальные отношения. При этом последние являются одной из форм компенсации одиночества, но не избавляют от него человека. По сути, парасоциальные отношения – это временное снижение остроты негативных переживаний одиночества, его иллюзорная компенсация.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о существовании тенденции, в соответствии с которой парасоциальные отношения могут выступать своего рода «паллиативным средством», способствующим снижению остроты переживания одиночества у представителей некоторых социальных групп населения в обществе травмы, в основном подтвердилась. Вместе с тем речь о целенаправленном практическом использовании парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы пока вести рано. Необходимы всесторонние исследования этой проблемы.

Данные итоги, как и введение в научный оборот отечественной социологии ряда малоизвестных данных, полученных зарубежными учеными, составляют новизну настоящей работы.

Полученные в статье результаты могут быть основой для формирования междисциплинарной концепции парасоциальных отношений в обществе травмы. На данном этапе можно высказать еще одну гипотезу (которая нуждается в специальной проверке), что парасоциальные отношения в процессе цифровизации общества, все больше заменяя собой непосредственно социальные отношения, лишая людей непосредственного общения, способны приводить к распространению одиночества в обществе травмы.

Рассмотренная в статье проблема требует дальнейших глубоких исследований с применением подходов и методного арсенала как социологии, так и психологических наук. Отметим, что очень логичным будет использование в этом контексте социологии эмоций.

Список литературы

Волков Ю.Г. Общество травмы : поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 16–27. – DOI: 10.31857/S013216250009344-1

Гафиатулина Н.Х., Воробьев Г.А., Шевченко А.М. Новое одиночество как фактор влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях ограничительных мер в период пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 223–228. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228

Дедов Н.П., Комиссарова О.А. Социально-психологические особенности одиночества у современных подростков // Вестник университета. – 2020. – № 1. – С. 177–181. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181

Ефлова М.Ю., Максимова О.А. Социальная эксклюзия в контексте новой нормальности : концептуализация подхода к исследованию // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53). – С. 36–41. – DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.36-41

К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности : психологический подход / Семенова Г.В., Векилова С.А., Терешкина И.Б., Рудыхина О.В. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 63–73. – DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 56–69. – DOI: 10.31857/S013216250009617-1

Макаров Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 3–14. – DOI: 10.31857/S013216250005477-7

Михайлова Н.В. Одиночество как междисциплинарная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 3. – С. 420–428. – DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428

Немировский В.Г., Новиков А.С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 453–462. – DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Новиков А.С. Отношение к власти как парасоциальное отношение (опыт качественных социологических исследований в сибирских регионах) // Siberian socium. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 12–21. – DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21

Новиков А.С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях : возможности социологических исследований // Siberian socium. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 65–73. – DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей : возрастной контекст // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 2. – С. 31–53. – DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. – Москва : Логос, 2008. – 424 с.

Примаков В.Л., Саутина Е.Г. Одиночество студенческой молодежи как социальный феномен // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 244–254.

Пузанова Ж.В. Одиночество : возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2008. – № 4. – С. 28–38.

Пузанова Ж.В. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 29. – С. 132–154.

Самсонов Т.С., Ткаченко Д.П. Связь склонности к парасоциальным отношениям с особенностями межличностных отношений с близкими людьми у медиа пользователей // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. – С. 252–257.

Тихонова И.Ю., Кравец А.С. Парасоциальные отношения в современном мире // Вестник ВГУ. Серия Философия. – 2022. – № 1. – С. 41–49.

Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. – 2003. – Т. 12, № 1. – С. 36–84.

Тощенко Ж.Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – Москва : Весь мир, 2020. – 352 с.

Черемискина И.И., Холунова К.А. Переживание одиночества людьми, предпочитающими виртуальные отношения с вымышленными персонажами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 221–231. – DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/221-231

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–14.

Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2 (44). – С. 29–47. – DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2

Ashe D.D., McCutcheon L.E. Shyness, loneliness, and attitude toward celebrities // Current research in social psychology. – 2001. – Vol. 6, N 9. – P. 124–132.

Bond B.J. Parasocial relationships with media personae: why they matter and how they differ among heterosexual, lesbian, gay, and bisexual adolescents // Media psychology. – 2018. – Vol. 21, N 3. – P. 457–485. – DOI: 10.1080/15213269.2017.1416295

Cohen J., Holbert R.L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context // Communication research. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 501–526. – DOI: 10.1177/0093650218759446

Dibble J.L., Hartmann T., Rosaen S. Parasocial interaction and parasocial relationship : conceptual clarification and a critical assessment of measures // Human communication research. – 2016. – N 42. – P. 21–44. – DOI: 10.1111/hcre.12063

Hakim M.A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures : development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale, Version 1.0 / Harvard dataverse. – 2018. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/F3KS7M> (accessed: 01.06.2023).

Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction : observations on intimacy at a distance // Psychiatry. – 1956. – Vol. 19, N 3. – P. 215–229. – DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049

Hu M. The influence of a scandal on parasocial relationship, parasocial interaction, and parasocial breakup // Psychology of popular media culture. – 2016. – Vol. 5, N 3. – P. 217–231. – DOI: 10.1037/ppm0000068

Kim J., Kim J., Yang H. Loneliness and the use of social media to follow celebrities : a moderating role of social presence // The social science journal. – 2019. – Vol. 56, N 1. – P. 21–29. – DOI: 10.1016/j.soscij.2018.12.007

Liebers N., Schramm H. Parasocial interactions and relationships with media characters : an inventory of 60 years of research // Communication research trends. – 2019. – Vol. 38, N 2. – P. 4–31.

Maltby J., Houran J., McCutcheon L.E. A clinical interpretation of attitudes and behaviors associated with celebrity worship // Journal of nervous and mental disease. – 2003. – Vol. 191, N 1. – P. 25–29.

Nabilla S.T.R., Prakoso H. Pengaruh loneliness terhadap parasocial relationship pada fansclub Wannable di Bandung // *Prosiding psikologi*. – 2019. – Vol. 5, N 1. – P. 95–102.

Parasocial relationships and depression among LGBQ emerging adults living with their parents during COVID-19 : the potential for online support / Woznicki N., Arriaga A.S., Caporale-Berkowitz N.A., Parent M.C. // *Psychology of sexual orientation and gender diversity*. – 2021. – Vol. 8, N 2. – P. 228–237. – DOI: 10.1037/sgd0000458

Poverty and social exclusion in the new Russia / ed. by N. Manning, N.E. Tikhonova. – London : Routledge, 2017. – 303 p.

Quinten S. Parasocial relationships with disliked television characters, depressive symptoms, and loneliness among older adults // *Journal of applied communication research*. – 2019. – Vol. 47, N 5. – P. 548–570. – DOI: 10.1080/00909882.2019.1679384

Schramm H., Hartmann T. The PSI-process scales : a new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes // *Communications*. – 2008. – N 33. – P. 385–401. – DOI: 10.1515/COMM.2008.025

Stein J.-P., Liebers N., Faiss M. Feeling better... but also less lonely? An experimental comparison of how parasocial and social relationships affect people's well-being // *Mass communication and society*. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15205436.2022.2127369> (accessed: 01.06.2023).

Wang Q., Fink E.L., Cai D.A. Loneliness, gender, and parasocial interaction : a uses and gratifications approach // *Communication quarterly*. – 2008. – Vol. 56, N 1. – P. 87–109. – DOI: 10.1080/01463370701839057

What factors attract people to play romantic video games? / Koike M., Loughnan S., Stanton S.C.E., Ban M. // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 4. – P. e0231535. – DOI: 10.1371/journal.pone.0231535

References

Ashe D.D., McCutcheon L.E. Shyness, loneliness, and attitude toward celebrities. *Current research in social psychology*. – 2001. – Vol. 6, N 9. – P. 124–132.

Bond B.J. Parasocial relationships with media personae: why they matter and how they differ among heterosexual, lesbian, gay, and bisexual adolescents. *Media psychology*. – 2018. – Vol. 21, N 3. – P. 457–485. – DOI: 10.1080/15213269.2017.1416295

Cheremiskina I.I., Kholupova K.A. Perezhivanie odinochestva lyud'mi, predpochitayushchimi virtual'nye otnosheniya s vymyshlennymi personazhami [The experience of loneliness by people who prefer virtual relationships with fictional characters]. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The territory of new opportunities. The herald of Vladivostok state university of economics and service]. – 2022. – Vol. 14, N 3. – P. 221–231. – DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/221-231 (In Russian)

Cohen J., Holbert R.L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context. *Communication research*. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 501–526. – DOI: 10.1177/0093650218759446

Dedov N.P., Komissarova O.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti odinochestva u sovremennyh podrostkov [Socio-psychological features of loneliness in modern teenagers]. *Vestnik universiteta* [University bulletin]. – 2020. – N 1. – P. 177–181. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181 (In Russian)

Dibble J.L., Hartmann T., Rosaen S. Parasocial interaction and parasocial relationship : conceptual clarification and a critical assessment of measures. *Human communication research*. – 2016. – N 42. – P. 21–44. – DOI: 10.1111/hcre.12063

Eflova M.Yu., Maksimova O.A. Social'naya eksklyuziya v kontekste novoj normal'nosti : konceptual'zaciya podhoda k issledovaniyu [Social exclusion in the context of the new normal : a conceptualization of the approach to research]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik* [The Kazan socially-humanitarian bulletin]. – 2022. – Vol. 53, N 2. – P. 36–41. – DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.36-41 (In Russian)

Gafiatulina N.Kh., Vorobyev G.A., Shevchenko A.M. Novoe odinochestvo kak faktor vliyaniya na social'noe samochuvstvie rossijskogo obshchestva v usloviyah ogranichitel'nyh mer v period pandemii [New loneliness as a factor of influence on the social well-being of the Russian society under conditions of restrictory measures during the pandemic period]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholar notes]. – 2022. – N 1. – P. 223–228. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228 (In Russian)

Hakim M.A. *Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures : development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale, Version 1.0* / Harvard dataverse. – 2018. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/F3KS7M> (accessed: 01.06.2023).

Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction : observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*. – 1956. – Vol. 19, N 3. – P. 215–229. – DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049

Hu M. The influence of a scandal on parasocial relationship, parasocial interaction, and parasocial breakup. *Psychology of popular media culture*. – 2016. – Vol. 5, N 3. – P. 217–231. – DOI: 10.1037/ppm0000068

K probleme vzaimosvyazi opyta social'noj eksklyuzii s bazisnymi ubezhdeniyami lichnosti : psihologicheskij podhod [The relationship between social exclusion and basic personal beliefs : a psychological approach] / Semenova G., Vekilova S., Tereshkina I., Rudykhina O. *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia : Herzen university journal of humanities & sciences]. – 2020 – N 197. – P. 63–73. – DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73 (In Russian)

Kim J., Kim J., Yang H. Loneliness and the use of social media to follow celebrities : a moderating role of social presence. *The social science journal*. – 2019. – Vol. 56, N 1. – P. 21–29. – DOI: 10.1016/j.soscij.2018.12.007

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Osobennosti vozrastnoj struktury odinochestva [Loneliness : age features]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020. – N 9. – P. 56–69. – DOI: 10.31857/S013216250009617-1 (In Russian)

Liebers N., Schramm H. Parasocial interactions and relationships with media characters : an inventory of 60 years of research. *Communication research trends*. 2019. – Vol. 38, N 2. – P. 4–31.

Makarov T. Obshchestvo travmy : mezhdru evolyuciej i revolyuciej (kruglyj stol) [Society of trauma : between evolution and revolution (a round table discussion)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2019. – N 6. – P. 3–14. – DOI 10.31857/S013216250005477-7 (In Russian)

Maltby J., Houran J., McCutcheon L.E. A clinical interpretation of attitudes and behaviors associated with celebrity worship. *Journal of nervous and mental disease*. – 2003. – Vol. 191, N 1. – P. 25–29.

Mikhailova N.V. Odinochestvo kak mezhdisciplinarnaya problema [Loneliness as an interdisciplinary problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm university herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. – 2018. – N 3. – P. 420–428. – DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428. (In Russian)

Nabilla S.T.R., Prakoso H. Pengaruh loneliness terhadap parasocial relationship pada fansclub Wannable di Bandung. *Prosiding psikologi*. – 2019. – Vol. 5, N 1. – P. 95–102.

Nemirovsky V. G., Novikov A. S. Doverie naseleniya k institutam vlasti v kontekste parasocial'nyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshchestve [People's trust in authorities as a phenomenon of parasocial relations in modern Russian society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Kemerovo state university. Series: Political, sociological and economic sciences]. – 2021. – Vol. 6, N. 4. – P. 453–462. – DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462 (In Russian)

Novikov A.S. Emocional'nye processy v parasocial'nyh otnosheniyah : vozmozhnosti sociologicheskikh issledovanij [Emotional processes in parasocial relationships : the possibilities of sociological studies]. *Siberian socium* [Siberian socium]. – 2019. – Vol. 9, N 3. – P. 65–73. – DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73 (In Russian)

Novikov A.S. Otnoshenie k vlasti kak parasocial'noe otnoshenie (opyt kachestvennykh sociologicheskikh issledovanij v sibirskih regionah) [Attitude to power as a parasocial attitude (the experience of qualitative sociological research in the Siberian regions)]. *Siberian socium* [Siberian socium]. – 2018. – Vol. 2, N 2. – P. 12 – 21. – DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21 (In Russian)

Orestova V.R., Tkachenko D.P., Sokolova A.A. Perezhivanie odinochestva pol'zovatelyami razlichnykh social'nykh setej : vozrastnoj kontekst [The experience of loneliness by users of various social networks : age context]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogy. Education» Series]. – N 2. – P. 31–53. – DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53 (In Russian)

Parasocial relationships and depression among LGBQ emerging adults living with their parents during COVID-19 : the potential for online support / Woznicky N., Arriaga A.S., Caporale-Berkowitz N.A., Parent M.C. *Psychology of sexual orientation and gender diversity*. – 2021. – Vol. 8, N 2. – P. 228–237. – DOI: 10.1037/sgd0000458

Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *Universum odinochestva : sociologicheskie i psihologicheskie ocherki* [The universe of loneliness : sociological and psychological essays]. – Moscow : Logos, 2008. – 424 p. (In Russian)

Poverty and social exclusion in the new Russia / ed. by N. Manning, N.E. Tikhonova. – London : Routledge, 2017. – 303 p.

Primakov V.L., Sautina E.G. Odinochestvo studencheskoj molodezhi kak social'nyj fenomen [Loneliness of students as a social phenomenon]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow state linguistic university. Social sciences]. – 2018. – Vol. 794, N 1. – P. 244–254. (In Russian)

Puzanova Z.V. «Odinochestvo» kak predmet empiricheskogo analiza [«Loneliness» as a subject of empirical analysis]. *Sociologiya : metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology : Methodology, methods, mathematical modeling (Sociology : 4m)]. – 2009. – N 29. – P. 132–154. (In Russian)

Puzanova Zh.V. Odinochestvo : vozmozhnosti empiricheskogo issledovaniya [Loneliness : the potential of empirical research]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN journal of sociology]. – 2008. – N 4. – P. 28–38. (In Russian)

Quinten S. Parasocial relationships with disliked television characters, depressive symptoms, and loneliness among older adults. *Journal of applied communication research*. – 2019. – Vol. 47, N 5. – P. 548–570. – DOI: 10.1080/00909882.2019.1679384

Samsonov T.S., Tkachenko D.P. Svyaz' sklonnosti k parasocial'nym otnosheniyam s osobennostyami mezhluchnostnyh otnoshenij s blizkimi lyud'mi u media pol'zovatelej [Connection of propensity to parasocial relationships with the peculiarities of interpersonal relationships with close people among media users]. *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development]. – Kolomna : State social and humanitarian university, 2022. – P. 252–257. (In Russian)

Schramm H., Hartmann T. The PSI-process scales : a new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes. *Communications*. – 2008. – N 33. – P. 385–401. – DOI: 10.1515/COMM.2008.025

Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O. Eksklyuziya kak kriterij vydeleniya social'no uyazvimykh grupp naseleniya [Exclusion as a criterion for selecting socially vulnerable population groups]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social changes : facts, trends, forecast]. – 2016. – Vol. 44, N 2. – P. 29–47. – DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2 (In Russian)

Stein J.-P., Liebers N., Faiss M. Feeling better... but also less lonely? An experimental comparison of how parasocial and social relationships affect people's

well-being. *Mass communication and society*. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15205436.2022.2127369> (accessed: 01.06.2023).

Sztompka P. *Social'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2001. – N 1. – P. 6–14. (In Russian)

Tihonova I.Yu., Kravets A.S. Parasocial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial relations in the modern world]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh state university. Series: Philosophy]. – 2022. – N 1. – P. 41–49. (In Russian)

Tikhonova N.E. Fenomen social'noj eksklyuzii v usloviyah Rossii [The phenomenon of social exclusion in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. – 2003. – Vol. 12, N 1. – P. 36–84. (In Russian)

Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy : mezhdru evolyuciej i revolyuciej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)*. [Society of trauma : between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis)]. – Moscow : Ves mir, 2020. – 352 p. (In Russian)

Volkov Yu.G. Obshchestvo travmy : poisk puti isceleniya (priglasenie k diskussii) [Society of trauma in search of healing (invitation to the discussion)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020. – N 9. – P. 16–27. – DOI: 10.31857/S013216250009344-1 (In Russian)

Wang Q., Fink E.L., Cai D.A. Loneliness, gender, and parasocial interaction : a uses and gratifications approach. *Communication quarterly*. – 2008. – Vol. 56, N 1. – P. 87–109. – DOI: 10.1080/01463370701839057

What factors attract people to play romantic video games? / Koike M., Loughnan S., Stanton S.C.E., Ban M. *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 4. – P. e0231535. – DOI: 10.1371/journal.pone.0231535